

Романтизмъ

Гюго, Жуковского и Горькаго.

Празднованіе пятидесятилѣтія со дня смерти Жуковскаго у насъ въ Россіи, почти совпало со всемірнымъ празднованіемъ столѣтія со дня рожденія великаго француза Виктора Гюго. Мы не думаемъ сравнивать мощный талантъ Гюго и небольшой односторонній талантъ Жуковскаго—мы лишь хотимъ подчеркнуть, что каждый изъ нихъ для своей страны явился родоначальникомъ романтизма. Но прежде всего, что такое романтизмъ, какъ новое теченіе на Западѣ?

По мнѣнію Вите, романтизмъ означаетъ лишь независимость въ художественныхъ вопросахъ и индивидуальную свободу въ литературномъ творествѣ. „Романтизмъ, говоритъ онъ, есть протестанство въ литературѣ и искусствѣ“, и очевидно здѣсь имѣется въ виду исключительно отпаденіе отъ непогрѣшимаго авторитета. „Романтизмъ, говоритъ В. Гюго, есть либерализмъ въ литературѣ“.

Мы привыкли подъ либерализмомъ подразумѣвать настроеніе буржуазіи, но въ данномъ случаѣ не объ ея либерализмъ идетъ рѣчь: буржуазія уже стала консервативной, она уже начинала творить міръ по образу своему и подобію. И вотъ въ этомъ обществѣ, гдѣ, говоря словами Брандеса „зарождавшаяся сила капитала, словно Геркулесъ, въ колыбели уже задушила весь внѣшній романтизмъ жизни, выступаетъ пламенная, блестящая и шумная литература, преклоняющаяся передъ страстью и ярко-краснымъ направленіемъ въ политикѣ... Эпоха революціи и іюльской монархіи ознаменовалась рѣшительнымъ выступленіемъ буржуазнаго общества на историческую сцену. Обусловилось это во Франціи тѣмъ, что произведенное революціею новое распределеніе народнаго имущества, охраненіе котораго въ глазахъ Наполеона являлось истинною его экономической миссіею, стало теперь приносить свои плоды. Промышленность и торговля освободились отъ сковывавшихъ ихъ узъ, монополіи и привилегіи пали... Вслѣдствіе этого освободившійся и сдѣлавшійся движимымъ капиталъ превратился въ пружину, приводившую въ движеніе весь общественный механизмъ, и сталъ господствующимъ вождельніемъ для cadaго отдѣльнаго лица. Послѣ іюльской революціи плутократія постепенно получаетъ преобладаніе надъ родовой аристократіею и подчиняетъ себѣ даже королевскую власть. Погоня за наживой, борьба изъ-за матеріальныхъ благъ и обращеніе капитала на крупныя коммерческія предпріятія становятся господствующею соціальною чертою эпохи. Эта проза, такъ рѣзко отличающаяся отъ революціоннаго и воинственнаго воодушевленія предыдущей эпохи, сильно отталкиваетъ писателей и художниковъ отъ жизни и интересовъ современности, способствуя развитію въ поэзіи той эпохи романтическаго характера, т. е. придавая окружающей дѣй-

ствительности чуждый ей отпечатокъ. Исключительно поэтичными находили давно прошедшія времена и чужія страны или же создавали, не стѣняясь окружающей средой, вымышленныхъ героев... Для начинающихъ апостоловъ литературы и живописи въ данную эпоху существовали лишь двѣ категоріи людей—пламенныхъ и сѣренькихъ. Они мечтали объ искусствѣ, долженствующемъ воплотить въ себѣ пурпуръ, свѣтъ, движеніе и смѣлость. Имъ хотѣлось показать пренебреженіе къ современности и повернуться къ ней спиной, ради проявленія ненависти къ общепринятымъ правиламъ, однообразію и мѣщанству, ибо съ той поры, какъ буржуазія завладѣла властью, мѣщанство стало силой“.

Но почему же поборники новизны заглядывали „въ темныя безконечно-глубокія очертанія вѣковъ“?

Тамъ позади въ вѣковыхъ воспоминаніяхъ видѣлась могущественная имперія съ феодальнымъ строемъ, съ поэтическими рыцарскими похождениями, богатый фантастическій міръ средневѣковаго творчества манилъ къ себѣ разнообразіемъ своихъ красокъ, причудливостью положеній, возвышенной туманностью идеаловъ. Надо думать романтики, изучая средніе вѣка не изъ одного историческаго интереса, а съ практической цѣлью обновленія сухой, разсудочной атмосферы. вмѣсто здраваго смысла провозглашалось „безумство храбрыхъ“, вмѣсто безчувственности намѣчались едва уловимыя настроенія, вмѣсто обыденной пошлости созерцался сверхчувственный міръ. Неподвижныя формулы и условности окостенѣвшаго классицизма распались точно тѣстелья цѣпи и необузданность, дикость и страстность вольными птицами уносились въ небеса.

Викторъ Гюго явился яркимъ выразителемъ новаго направленія, враждебнаго буржуазному укладу... Мы не будемъ разбирать, какія соціальныя группы отражали свои настроенія и мечты въ романтизмѣ... Мелкое ли ремесло, потерявшее со средними вѣками обезпеченность и уютность цеха и мечтавшее о возвратѣ утеряннаго, или народившійся пролетаріатъ, начинавшій искать самостоятельныхъ путей, но пока для оппозиціи заимствовавшій готовыя формы средневѣковья, для насъ важно подчеркнуть протестъ романтизма противъ сѣраго мѣщанскаго уклада, протестъ противъ господства той буржуазіи, которая еще недавно представляла „ничто“, а теперь становилась „всѣмъ“.

Такъ было на Западѣ, но такъ ли было у насъ?.. Прежде всего двадцатые и тридцатые годы у насъ далеко не представляли торжества буржуазіи. О ней и помину не было. Сословное дворянство, аракеевичина и крѣпостное право задавали тонъ жизни, и буржуазное для Россіи могло явиться только шагомъ впередъ. И если средневѣковый идеаль на Западѣ былъ въ оппозиціи буржуазному укладу, то у насъ онъ могъ являться скорѣе признаніемъ того, что было...

Мы, разумѣется, не склонны считать Жуковскаго поборникомъ чисто дворянскихъ интере-

совъ, но мы подчеркиваемъ, что его романтизмъ и романтизмъ Виктора Гюго весьма и весьма различаются.

Романтизмъ Виктора Гюго вызывался новыми настроеніями въ обществѣ, романтизмъ Жуковского—прежде всего особенностями его личной жизни.

Вы присмотритесь къ біографіи Жуковского. Самое рожденіе его было полно романтизма. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки. Ребенокъ сразу попалъ въ положеніе весьма двусмысленное. Его отецъ имѣлъ жену и многочисленную семью, эта жена приняла въ семью „плодъ любви преступной“ ея мужа, и Васинька сталъ любимцемъ всѣхъ. Ребенокъ, усыновленный Андреемъ Жуковскимъ, другомъ дома, прекрасно понималъ необычное положеніе свое...

Передъ рожденіемъ поэта семью Буниныхъ постигло тяжкое горе: изъ одиннадцати членовъ дѣтей умерло шестеро... Смерть какъ бы была воспріемницей начавшейся жизни.

11-ти лѣтъ, исключенный изъ школы „за „неспособность“, Жуковский попалъ въ семью своей крестной матери Юшковой и росъ исключительно среди дѣвочекъ. Когда ему исполнилось 14 лѣтъ, умерла Юшкова. Мальчикъ былъ уже въ пансіонѣ. Эта смерть вызвала къ жизни первое его „кладбищенское“ произведеніе „Мысли при гробницѣ“, въ которомъ юный мыслитель обращался къ смерти со словами: „Смерть! Лютая смерть! Когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей?“

Характерно, что всю жизнь, „отъ колыбели до могилы“, Жуковскому приходилось терять близкихъ людей... Мало того, что любимая имъ дѣвушка оказалась его близкой родственницей, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страданій вышла замужъ за друга Жуковского—Мойера, мало того, когда Жуковский готовъ былъ угнѣбиться ея счастьемъ, Марья Андреевна умерла...

Оставалось утѣшиться дружбой Николая и Андрея Тургеневыхъ, съ которыми онъ переписывался и жилъ душа въ душу. Но и тутъ произошло событіе 14 декабря 25 года. Николай Тургеневъ былъ приговоренъ къ смерти, хотя былъ невиненъ, а Андрей Тургеневъ не перенесъ этого заочнаго приговора его эмигрировавшему брату, сошелъ съ ума и умеръ.

Смерть Пушкина, Карамзина отрывала лучшихъ друзей отъ Жуковского, жизнь котораго превращалась въ вѣчныя похороны... „Они всѣ умерли, умерли“,—могъ бы сказать поэтъ словами Тургенева...

Всѣ эти впечатлѣнья жизни тяжелой могильной плитой ложились на душу Жуковского. А душа его была очень отзывчива, слишкомъ реагировала на всѣ подобныя впечатлѣнья, да и немудрено: какъ справедливо замѣчаетъ Ашевскій въ апрѣльской книгѣ *Мира Божьяго* „Жуковский вмѣстѣ съ красивой наружностью восточнаго типа получилъ отъ матери и восточную мечтательность“.

Въ этой, такъ сказать, врожденной ему мечтательности, жившей у поэта въ крови, ко всѣмъ утратамъ и могиламъ надо присоединить

еще то чтеніе и ту среду, которыя окончательно образовали романтика.

„Ребенокъ рано начинаетъ читать—говорить Ивановъ (*Журналъ для всѣхъ*, апрѣль)—и выбираетъ, разумѣется, чтеніе, подходящее къ его собственнымъ настроеніямъ. Чужая грусть вызываетъ у него живой откликъ. Онъ усердно раздумываетъ надъ стихами и повѣстями, описывающими страданія одинокаго человѣка, людскую несправедливость, невольную отчужденность какого-либо несчастливца отъ общества“.

Это чтеніе только, какъ-бы подчеркивалось живыми примѣрами. „Особенное значеніе, по словамъ Ашевскаго, имѣлъ для Жуковского учитель тульского народнаго училища Покровскій, гуманный, просвѣщенный и религіозный человекъ, въ которомъ трезвое отношеніе къ тогдашней дѣйствительности соединялось съ романтической мечтательностью надъ могилами „сельскаго кладбища“ при томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны“...

Литературныя и нравственныя вліянія, которыми подвергался Жуковский и въ пансіонѣ, представляютъ продолженіе бесѣдъ и уроковъ Покровскаго. Главный руководитель пансіона Прокоповичъ-Антонскій, представитель того направленія русской мысли, которое сложилось на почвѣ реакціи просвѣтительной философіи, былъ человекъ убѣжденный, что „дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ днями торжества религіи“.

Наконецъ, Карамзинъ, властитель думъ начала 19 вѣка, несомнѣнно плѣнилъ воображеніе и душу мечтательнаго поэта. Бѣдная Лиза Карамзина породила „Марьину рошу“ Жуковского, Письма русскаго путешественника,—аналогичныя письма Жуковского о Швейцаріи. Но настроеніе Жуковского меланхолическое, чувствительность его естественнѣе, образы его поэтичнѣе, фантазія богаче.

Главное же, что отличало Жуковского романтика отъ представителя *сентиментализма* Карамзина, это—идеализмъ. „Идеала, по словамъ Бѣлинскаго, не знало сентиментальное направленіе, оно не указывало цѣли, къ которой должны такія чувства направляться. Вотъ эту-то цѣль указываетъ Жуковский“... Эта цѣль, этотъ идеалъ—„не отъ міра сего“. Страданіе и терпѣніе *здѣсь*, блаженство и награда *тамъ*,—вотъ формула той жизни, о которой вовсе нельзя было сказать „жизнь для жизни намъ дана“... Путь нравственнаго личнаго усовершенствованія вель „туда“ и Жуковский указывалъ этотъ путь.

Мы нарочно прослѣдили главнѣйшіе факты изъ жизни Жуковского, чтобы видѣть необходимость *такого* романтизма, *такихъ* идеаловъ... Отъ того, что Жуковский слишкомъ часто видѣлъ смерть *здѣсь*, онъ слишкомъ упорно сталъ думать о жизни *тамъ*. Его личная скорбь за слоняла для него *мировую* скорбь, которой былъ полонъ Викторъ Гюго, міръ призраковъ замѣнилъ ему міръ живыхъ людей, вѣра въ чудо замѣнила ему вѣру въ прогрессъ.

Изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей Жу-

ковскій извлекалъ далеко не существенную долю ихъ содержанія, но только таинственное, мечтательное, фантастическое, т. е. то, что шло ему на потребу, что соответствовало его душевному настроенію и нравственнымъ убѣжденіямъ, не останавливаясь, въ угоду своимъ одностороннимъ литературнымъ вкусамъ, даже передъ передѣлкой и искаженіемъ иностраннаго образа. Докторъ Зейдлицъ справедливо усматривалъ въ переводѣ элегіи Грея „Сельское кладбище“,—въ переводѣ, сдѣланномъ трижды Жуковскимъ, „психологическій документъ, опредѣляющій душевное состояніе поэта“. Жуковскій въ цѣломъ рядѣ высокохудожественныхъ переводовъ, которые онъ „творилъ вновь“, старался какъ бы объективироваться, „отдѣлаться стихами“ отъ своихъ „докучныхъ собесѣдниковъ: воздыханій, тяжелыхъ думъ, ночей безсонныхъ“... О неизвѣстномъ скорбь, стремленіе вдаль, томленіе разлуки, порывъ туда, „гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій“, поэзію воспоминанія, мрачный холодъ смерти,—только эти мотивы ловило чуткое ухо поэта въ чуждыхъ ему твореніяхъ.

Не чужія произведенія онъ переводилъ на свой родной языкъ, а чужія мечты, чужую грусть, чужую „сладость страданія“ переводилъ онъ на языкъ своей тоскующей души. Эта скорбь души и придавала особенный колоритъ, особенную „плѣнительную сладость“ веѣмъ произведеніямъ поэта.

Жуковскій справедливо говорилъ въ одномъ письмѣ къ Гоголю о своихъ произведеніяхъ: „у меня почти все чужое или по поводу чужого—и все, однако, мое“. По словамъ Пыпина, Жуковскій только „искалъ всюду отголоска собственной души, будто Шиллеръ или Байронъ, Овидій и Клоштокъ, Грей или Парни“. Всѣ литературныя наслоенія „самобытной душевной работой переплавлялись въ немъ, образуя металлъ новый“. „Въ этомъ отношеніи природа Жуковскаго оказалась способною къ сильной переработкѣ восприняемаго матеріала—быть можетъ болѣе сильной, нежели у кого либо изъ его современниковъ; „точило его духа“ было крѣпко и гроздь претворялся въ немъ въ доброе вино и вытекалъ струею чистою и безпримѣсною“.

Характерно указаніе Ник. Тургенева на нелюбовь его друга Жуковскаго къ Шекспиру. Въ своемъ письмѣ къ поэту, по поводу трагедій Шекспира, котораго „Жуковскій никогда не осилилъ“, но котораго тоже не прочь былъ передѣлать, предлагая въ Мавбетѣ истребить вѣдьмъ, или чародѣекъ, Ник. Тургеневъ писалъ: „Оставьте, друзья мои, этого генія такъ, какъ онъ есть, передѣлывать въ немъ, вставлять свое вмѣсто его не легко, очень, очень не легко. Чѣмъ больше вникаешь въ него, тѣмъ онъ становится священнѣе. Еще простительнѣе что-нибудь выпустить: можно, какъ говорится, набравшись духа, написать свое, призывая на помощь утонченность и правила, но когда дѣло идетъ о немъ самомъ, то пусть Шекспиръ останется Шекспиромъ. Но я знаю, что это разсужденіе будетъ не по твоему вкусу“.

Если въ переводѣ избранныхъ произведеній классиковъ на языкъ собственной души сохранилась оригинальность Жуковскаго, то въ повтореніи одного и того же настроенія однихъ и тѣхъ же скорбныхъ причитаній о потеряхъ заключалась слабость, односторонность поэзіи Жуковскаго. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ есть нѣсколько удивительно глубокихъ строкъ по поводу вѣрующахъ бабъ, которымъ пришлось „много горя мыкать“ на своемъ вѣку. „Есть горе надорванное: оно,—говоритъ Достоевскій,—пробьется разъ слезами и съ минуты уходитъ въ причитанія. Это особенно у женщинъ. Оно не легче молчаливаго. Причитанія утоляютъ тутъ лишь тѣмъ, что болѣе растрavляютъ и надрываютъ сердце. Въ такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутолимости питается. Причитанія лишь потребность раздражатъ безпримѣрную рану“.

Разумѣется, эти „причитанія“, эти односторонныя ноты личной скорби не могли удовлетворить выразителей народной скорби. Если Тургеневъ указывалъ, что Жуковскій не осилилъ всеобъемлющаго Шекспира, то Рылѣевъ шелъ гораздо дальше. Въ своемъ письмѣ къ Пушкину вотъ какъ онъ отвѣчалъ на упрекъ великаго поэта—„зачѣмъ кусать груди обителю кормилицы нашей“. „Жуковскій принесъ нѣкоторыя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за то навсегда должны остаться благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубнымъ мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, передѣленность и какая то туманность, которая въ немъ иногда даже прелестна, растлила нашихъ и много зла надѣлала“.

Рылѣевъ, какъ и Чацкій Грибоѣдова, былъ романтикомъ, но романтикомъ на другомъ подкладкѣ. Онъ вмѣстѣ со своими товарищами бралъ у романтизма общественный протестъ, запросы свободной мысли, какъ разъ то, что Жуковскій обходилъ по личнымъ свойствамъ своего таланта и въ силу неразвитости общественныхъ отношеній.

Интересно, что уже вскорѣ послѣ смерти Жуковскаго родоначальникъ стараго народничества Добролюбовъ писалъ въ статьѣ о народности: „Одно только въ русской народности произвелъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ), и это одно суевѣріе народное. И, кажется, только въ этомъ отношеніи романтическая поэзія и могла соприкасаться съ нашимъ народнымъ духомъ, во всемъ остальномъ она отдѣлялась отъ него неизмѣримой пропастью. Однако же, Карамазовъ и Жуковскій получили въ русскомъ обществѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей. Чѣмъ же объясняется это? Тѣмъ разумѣется, что оба они удовлетворяли потребностямъ того общества, которое ихъ читало. Вопросъ остается за тѣмъ, что это было за общество? Говорятъ, что Карамазовъ и Жуковскаго любить и знаетъ Россия“.

этому вѣрять зѣло ученые люди, которые полагаютъ, что они-то, ученые и образованные, и составляютъ Россію, а все остальное, находящееся внѣ нашего круга, вовсе недостойно имени русскаго. Коренная Россія не въ насъ съ вами заключается, господа умники. Мы можемъ держаться только потому, что подъ нами есть твердая почва—настоящій русскій народъ, а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку великаго русскаго народа. Если же ему дадутъ что-нибудь, въ родѣ мертвыхъ схоластическихъ стиховъ, вмѣсто живой народной поэзіи, то народъ, естественно, отвращается отъ подобныхъ прелестей, какъ вовсе не подходящихъ къ его потребностямъ и къ его положенію“.

Писались эти строки тогда, когда натуральная школа съ Гоголемъ во главѣ заняла прочное положеніе въ русской литературѣ. Здѣсь мы не можемъ не подчеркнуть интереснаго факта. Жуковский, какъ представитель романтизма, умеръ гораздо раньше своей естественной смерти; Гоголь, какъ представитель реализма, живъ и теперь...

Но если Грушницкаго убилъ герой нашего времени Печоринъ, а Печорина Максимъ Максимычъ и т. д., то и Грушницкій и Печоринъ когда-то тоже смѣняли вымершій типъ. Если мы разсматриваемъ и критикуемъ историческое явленіе съ точки зрѣнія нашего времени, мы теряемъ подъ ногами научную почву. Чтобы вполне представить значеніе Жуковскаго, этого продолжателя Карамзина, мы должны помнить, что его чувствительный идеализмъ смѣнилъ разсудочную, безжизненную и холодную поэзію ложнаго классицизма.

Жуковский училъ „смотреть на свѣтъ, сквозь призму сердца“... И намъ кажется, что далеко не правъ Добролюбовъ, говоря о романтизмѣ: „Что если въ прежней, пидарической школѣ было призрачное величіе, то здѣсь—призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь недостатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь роса и радуга; тамъ фейверки, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимвалы, грохочущіе славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью“. Дѣло не въ призрачности, а въ нѣжности, въ торжествѣ христіанскаго чувства надъ языческимъ безразличіемъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что Россіи не ко двору приходилось возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, къ привидѣніямъ, къ рыцарямъ и т. д. Что являлось естественнымъ на Западѣ, какъ реакція противъ буржуазной пошлости и обыденности, у насъ было неудачнымъ идеализированіемъ настоящаго, хотя бы потому, что для насъ далеко не миновалъ въ то время феодализмъ среднихъ вѣковъ...

Видно изъ сказаннаго также то, что романтизмъ Жуковскаго носилъ слишкомъ личный характеръ и вытекалъ скорѣе изъ потребностей его души, чѣмъ отвѣчалъ общественной потребности.

Въ тяжкіе двадцатые годы аракачевщины, когда фельдфебель замѣнялъ Вольтера, гораздо

умѣстнѣе былъ романтизмъ Чацкихъ съ ихъ культомъ не личнаго, а общественнаго чувства.

Этимъ бы мы могли и закончить нашу статью, но намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ по поводу нашего времени. Въ своемъ романѣ „Безъ догмата“ Сенкевичъ писалъ въ началѣ девяностыхъ годовъ: „Въ недавнее еще время, когда романтизмъ процвѣталъ въ сердцахъ и поэзіи, люди носились со своею трагедіей, какъ съ живописнымъ плащомъ, въ настоящее время она носится какъ егерская фуфайка подъ рубашкой“. Мы думаемъ, что эта рисовка своей личной трагедіей отошла уже давнымъ давно въ область преданія, мы давно уже рисуемся презрѣниемъ къ своей трагедіи. Но на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы возрождается романтизмъ иного характера, тотъ романтизмъ, который когда то на Западѣ предшествовалъ романтизму Жуковскаго въ крѣпостной Россіи. За пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Жуковскаго у насъ въ Россіи народились „Мѣщане“,—тѣ мѣщане, которые въ мѣру умны и въ мѣру глупы, въ мѣру добры и въ мѣру злы, въ мѣру честны и подлы, трусливы и храбры“—тѣ мѣщане, которые „законченно воплотили въ себѣ пошлость, ту силу, которая побуждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ“. Вотъ противъ этого трезваго жизненнаго уклада возсталъ романтизмъ Горькаго, романтизмъ тѣхъ, которые „смотря на жизнь бодро и весело... „У этого романтизма тоже есть свой міръ грезъ; этотъ романтизмъ тоже проповѣдуетъ чувство, но какъ онъ далекъ отъ романтизма Жуковскаго съ его призраками, съ его загробной жизнью.

И когда вы вслушиваетесь въ слова Цвѣтаевой и Нила въ послѣднемъ произведеніи Горькаго, вы научаетесь любить будущее въ жизни, а не жизнь въ будущемъ, въ загробномъ мірѣ. „Я родилась безъ вѣры въ сердцахъ... Я научилась разсуждать“—ноетъ. скучная и скучающая дочь мѣщанина. „Долубчикъ! Ты слишкомъ много разсуждаешь. А, вѣдь, ты согласишься,—не стоитъ быть умнымъ человѣкомъ для того лишь, чтобы разсуждать. Разсудокъ—это хорошо, но видишь ли... чтобы человѣку жилось не скучно и не тяжело, онъ долженъ быть фантазеромъ. Онъ долженъ хотя не часто, заглядывать впередъ, въ будущее.—„Что тамъ впереди?“ спрашиваетъ Татьяна.—„Все, что захочешь видѣть.—„Да-а... нужно выдумать“.—„Повѣрить нужно“...—„Во что?“—спрашиваетъ Татьяна.—„Въ свою мечту“—отвѣчаетъ ей Цвѣтаева...

Разумѣется, между романтизмомъ *этимъ* Горькаго и романтизмомъ Жуковскаго—глубокая пропасть: не даромъ же прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ жилъ нашъ первый романтикъ, не даромъ у насъ народились мѣщане, но вѣра въ идеаль, въ лучшее будущее и теперь, какъ и тогда, грѣетъ сердце человѣка.